

Юность, опаленная войной...

Передавая на хранение в Солигорский краеведческий музей десятки набранных на компьютере страниц своих воспоминаний, 84-летний Валентин Иванович Жуков сказал: это не столько обо мне, сколько о времени, о котором забывать нельзя. Но ведь и рассказ о времени – это прежде всего рассказ о людях, в нем живших. О героях, чьи воспоминания мы с удовольствием публикуем регулярно, а не только в связи с памяtnными датами.

Враг у ворот

В 14 лет жизнь кажется светлой, большой и бесконечной. Несильно омрачило детские мечты даже страшное слово – война. Но буквально на следующее утро после объявления мобилизации на восходе солнца стуком в окно разбудил бригадир: срочно в сельсовет! Нам, пацанам, дали веревочные уздечки, худые клячи – хороших лошадей забрали на фронт. И, усевшись на острые кости, мы повезли по указанному адресам повестки о призыве в армию. Вручали бумажки, а вслед – стоны, плач... Подростки повзрослели буквально за один день.

Все явственное доносились звуки тяжелой артиллерии. Трудоспособное население сельсовета мобилизовали на подготовку оборонительного рубежа. Киркой, ломом, лопатой мы, жители ближайшего города Рославль, долбили, рыли землю, выбрасывая ее наверх. Обливались потом подростки, девочки, пожилые. Мы готовили противотанковые рвы глубиной в три метра, особой конфигурации, из которых, утверждали руководители-военные, вражеский танк уже не выберется. Спали на сенавалах целыми бригадами.

Когда мы старательно копали, маскировали рвы, готовя западню для вражеских танков, над нами ежедневно появлялся немецкий самолет. Он не стрелял – похоже, фотографировал линию обороны, делая нашу работу совершенно бесполезной. Иногда пилот сбрасывал листовки:

Девочки-мадамочки, не копайте ямочки,

Знайте, наши таночки пройдут
сквозь ваши ямочки.

А вскоре немецкие танки проселочными дорогами без проблем обошли наши рвы и устремились дальше на восток...

Тучи с запада

Когда немцы приблизились к деревне, работники сельсовета, правление колхоза вместе с завмагом умчались на колхозной полуторке. В сельмаг точно ринулись

ФОТО АРКАДИЯ ШАЙКЕЛ/ГОТЛОСКОЗ

сельчане – продукты, одежда моментально разошлись по избам. Я опоздал – достались только стеариновые свечи, которые очень пригодились, когда в деревне не стало керосина. Почувствовав безвластие и безнаказанность, крестьяне стали разбирать колхозных лошадей, коров, овец, упряжи, телеги...

С приходом немцев мы поняли истинный смысл слова «оккупация». Гитлеровцы беззастенчиво грабили местных жителей. Ездовые проезжавших обозов забегали в избу, кричали: «Матка, млеко, яйки, шпек!», общаривали все углы и, схватив добычу, тут же исчезали. На пастбище мы, подростки, держали своих коров на поводках. Однажды с сиденья проезжавшей мимо повозки соскочил коренастый рыжеволосый ездовой, подбежал и начал вырывать поводок, которым я удерживал корову Зорьку. Я не отпустил семейную кормиллицу. Завязалась настоящая драка, воспользовавшись которой, корова сбежала в кусты. Обоз остановился. Ездовые с любопытством наблюдали за сражением, подзадоривая сослуживца. Несолоно хлебавши немец вернулся к повозке. На следующее утро лицо мое отекло, под глазом сиял большой «фонарь». Но коровка осталась...

Оживший танк

Гитлеровцы начали охоту за подростками, девочками – в Германии явно не хватало рабочих рук для обеспечения фронта всем необходимым. И я пошел в штаб партизанского отряда.

– Воевать хочешь? – спросил мужик в гимнастерке. – Но к нам приходит со своим оружием.

На месте, где когда-то проходила линия фронта, я отыскал заржавевшую винтовку, патроны к ней. Почистил. Смазал. И стал партизаном...

Несколько дней мы готовились к нападению на сильно укрепленный немецкий гарнизон. Не хватало огневой поддержки. И тут кто-то вспомнил: в соседней деревне стоит тяжелый советский танк «КВ». Его, подбитого, гитлеровцы притащили к штабу, чтобы подробнее изучить технические данные. Уходя, сняли пулемет, забрали патроны, в ствол пушки бросили ручную гранату, разбили замок. И, посчитав орудие непригодным, оставили целый комплект снарядов.

Среди партизан нашелся бывший наводчик подобной пушки. Отметил, что небольшой мощностью граната только слегка подцарапала закаленный ствол орудия. Вручную навел его на немецкий гарнизон, зарядил снаряд и каким-то острым предметом разбил капсюль. В гарнизоне рвануло. Следом полетело еще несколько снарядов. Гитлеровцы были ошарашены: откуда у партизан артиллерия? Опомнившись, ответили плотным минометным огнем...

Потом было еще несколько удачных налетов на немецкие гарнизоны. Но я вдруг основательно заболел. Сильной тиф. Чтобы не заразился весь отряд, меня тут же отправили домой. Молодой организм брал свое, под контролем деревенского фельдшера здоровье пошло на поправку... Приближался фронт. И, чтобы спастись от мин, снарядов, мы недалеко от деревни в овраге вырыли землянку, соорудив даже накат из бревен, а вход замаскировали пестрым домотканым одеялом.

Долгий путь в неволю

Сентябрь сорок третьего. Уже слышны не только орудийные выстрелы, но и пулеметные очереди. Фронт где-то в двух километрах, не сегодня-завтра придут наши. Мысленно я уже видел себя в

Узники «Ладемяле»

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА В. ЖУКОВА

форме красноармейца, который гонит врага дальше на запад... Но вдруг одеяло на входе в землянку резко отбрасывается в сторону. На пороге – в угрожающей позе давно не бритый немецкий солдат. На шее – пулемет, в правой руке – граната...

Мать перекрестила меня, безбожника, сунула в карман пару черных сухарей, сестра – старую семейную фотографию. И, сопровождаемый их причитаниями, я отправился по родной земле смоленской в мрачный, полный неизвестности и опасности путь в Германию. Наша колонна стремительно росла, больше становилось и конвоиров. Хотелось сигануть в недалекий лес, но конвоиры обложили нас со всех сторон. Утром: «Ауфштейн!» Строимся в колонну – и дальше, на запад. Пищи никакой, вырвешь где-то в огороде морковку, капусту – считай, повез-

ло. Позади родная Смоленщина. Пошли деревни Жлобинского, Кричевского, Чериковского районов. Конвоиры кричат: «Шнель!», отстающих подгоняют прикладами или пинками...

В одной из деревень задержались на две недели, отправляли белорусское сено в Германию. Потом – Бобруйск, лагерь для военнопленных. Ожидание эшелона для отправки в Германию. Дождь настил под навесом, где свободно гулял ветер. Раз в день – водочная похлебка из мяса павших лошадей, которое варили прямо со шкурой... Наконец вагоны с зарешеченными окнами. Два яруса голых нар. Состав подолгу простаивал на станциях, пропуская военные эшелоны. За окнами мелькали названия – Варшава, Лодзь, Рослау. К концу декабря нас, исхудавших скелетов, выгрузили в перевалморковку, капусту – считай, повез-

Сапожных дел мастер

Лагерь Лерте – невольничий рынок двадцатого века. Как и в глубокой древности, отбиралась рабочая сила: внешний вид, состояние зубов, ощупывание мышц сквозь перчатки. Выбор сделан, толчок в грудь – и ты собственник владельца фирмы, завода или фермы. Когда объявили: требуется сапожник – я шагнул вперед. Не хотелось идти на завод, производить оружие против своих... Шить сапоги мне не приходилось, но я часто наблюдал, как это делают другие. И даже подшивал валенки автомобильными шинами. В чреве горячей печи отпаривали их так, что можно было раздирать на тонкие пластинки с кордом, которые потом и пришивались драгтой к обуви.

Так я оказался в мастерской «Мастер ортопедической обуви Гайнрих Конс» в городе Гильдесгайме. Но первым делом меня препроводили в лагерь для восточных рабочих «Ладемяле». Получил спецовку-куртку и брюки из какого-то текстильного эрзаца. И квадратный голубой лоскут, где стояли буквы «ОСТ». Восточный рабочий...

Пришitый на правой груди, он заменил славянину паспорт. С этого момента мне не позволялось прилестись на скамейку в парке, где была табличка «Только для немцев», запрещалось пользоваться городским транспортом, входить в магазин, парикмахерские, кафе, спасаться в бомбоубежище. Вывезенные на принудительные работы французы, бельгийцы, норвежцы жили в лучших условиях, они получали даже

посылки, какую-то защиту от Международного Красного Креста. Мы же ничего этого не имели.

Жили в дощатых бараках в комнатах на 10-12 человек. Двухъярусные нары. Матрац из бумажной рогожки набит древесной стружкой. Такая же и подушка. Стружка постоянно сбивалась в одно место, спать приходилось на досках.

В мастерской мы ремонтировали обувь для жителей города. Нам же самим выдавали выдолбленные из дерева башмаки или шлепанцы без задников. Ходить в них было очень неудобно. И каждое утро тысячи ног узников шлифовали булыжные мостовые – по асфальтированным тротуарам ходили только немцы. Иногда тайком от хозяина я ремонтировал обувь русским девочкам, находившимся в нашем лагере, получая в благодарность кусочек лакомства, который девочка неизвестно как выносили с сырзавода.

Как-то в мастерскую зашла хозяйка и подарила мне поношенный, но вполне приличный костюм. Радости моей не было предела. Костюм был широким и длинным. Как мог я укоротил его. И выбравшись в выходной с земляком Алексеем Савченковым в город, тут же сфотографировался...

Саботажники

Алексей работал токарем на фирме «Альборн». Раньше в ее це-

хах изготавливались молочные бидоны, во время войны – морские торпеды. Хотя на входе по-прежнему красовалась громадная вывеска «Молочные бидоны». Такая маскировка, похоже, помогла заводу работать чуть ли не до конца войны.

Неподалеку от нас находился еще один завод, подземный, где также трудились восточные рабочие. На поверхности росли березы, клены, грабы, а между ними – вентиляционные трубы, незаметные с воздуха. Под деревьями были спрятаны и лагерные бараки. Что производилось на нем, мы не знали, готовая продукция в железнодорожных вагонах вывозилась ночью. Питание рабочих было хуже нашего: похлебка из мороженого турнепса с маргарином, сто граммов хлеба с опилками, морковный мармелад на сахарине да суррогатный кофе. Многие от истощения падали прямо на рабочих местах, их участь была незавидной...

Но и в этих условиях наши люди боролись. В один из весенних дней сорок четвертого за два часа до окончания работы нам приказали срочно вернуться в лагерь. Оказалось, для устрашения. На деревьях висели четверо русских парней. На каждом табличка – «Саботажник». Нас прогоняли сквозь строй охранников транспортом, чтобы босые ноги повешенных касались наших голов. Наклонами головы или отвед в сторону – тут же град ударов дубинками...

Освобождение

22 марта сорок пятого около полудня прозвучал сигнал воздушной тревоги. Часть неба закрала армада бомбардировщиков. Все население лагеря бросилось за город. Позже я прочитал в книге, что в этом налете участвовали триста британских самолетов, сбросивших на Гильдесгайме 1062 тонны бомб, среди которых много было зажигательных. Весь город был в руинах. Пыль, гарь, смрад. Не было лагеря, надзирателей, заводов. Улицы тут же заполнили узники разных национальностей. Уже свободные люди...

А потом пришли американцы, которых мы встретили с ликованием. 18 мая сорок пятого нас, славян, доставили на восточный, советский берег Эльбы. А уже на следующий день я надел форму солдата Красной Армии.

Вместо эпилога

Отслужив в армии, окончив медицинский институт, Валентин Иванович три десятка лет будет работать врачом в Солигорске. Найдет сына немки, подарившей ему костюм. Пригласит его в гости, сам побывает на месте бывшего лагеря для узников. А выйдя на пенсию, напишет воспоминания об опаленной войной юности.

Владимир БЫЧЕНЯ

У последней черты

О малоизвестных фактах Первой мировой войны

Эта война принесла человечеству многомиллионные людские и неисчислимые материальные потери. У России планов и поводов для войны не было. Однако российская правящая элита попала в сети международного заговора и из-за близорукой политики не смогла должным образом оценить грозящую стране опасность. Около 40 государств-участников, более 10 миллионов погибших и свыше 20 миллионов раненых – такой катастрофы человечество еще не знало.

Летом 1915 года война пришла и на территорию Беларуси, накрыв огнем половину страны. Фронт растянулся почти на 400 километров. Места боев превратились в изрытую воронками пустыню, где не осталось ни домов, ни дорог, ни лесов. После недельных артобстрелов местами даже трава не росла более 20 лет.

Наши предки 9 августа 1915 года отступили от так и не взятой врагом небольшой крепости Осовец на реке Бобр в 50 километрах от Белостока, сдерживавшей врага 190 дней. Даже 800-килограммовые снаряды из осадных мортир «Толстая Берта» не могли сломить сопротивление мужественных защитников крепости.

Чтобы справиться с ними, немцы применили ночью 6 августа отравляющие газы – хлор с бромом, от которых целиком погибли четы-

ре роты. Но около 70 умирающих бойцов из последних сил, превозмогая жуткую боль, поднялись в штыковую атаку, и 14 батальонов, около семи тысяч немцев, штурмовавших Осовец, обратились в бегство от «живых мертвецов». Этот случай стал известен тогда по всей Европе. Среди защитников Осовца более трети были белорусами, в том числе комендант крепости генерал-майор Николай Александрович Бржозовский.

21 августа после длительных боев, исчерпав возможности обороны, взорвав форты, наши войска оставили крепость и город Гродно, а через четыре дня – Брест. Но это не было трусливым отступлением. На каждом оборонительном рубеже шли упорные, ожесточенные бои. У нашей армии не хватало винтовок и патронов, и, чтобы сдержат врага, солдаты часто поднимались в штыковую атаку. Воевать приходилось почти без артиллерийской поддержки, потому что не хватало снарядов, да и самих пушек. Например, в Горлицком прорыве у австрийцев и немцев насчитывалось в 40 раз больше тяжелых орудий, чем у русских, и они просто сметали заграждения и окопы наших полков.

В день на орудие русские артиллеристы могли израсходовать не более 4-6 снарядов! Это хорошо иллюстрирует возможности хваленной рыночной экономики и так называемых хозяев частных пред-

приятий, оказавшихся неспособными развернуть производство нужных армии вещей даже за полтора-два года войны. А позже продававших каждый снаряд на 25-40 процентов дороже, чем государственные заводы!

Но, несмотря на техническое превосходство, каждый шаг по белорусской земле немцы оплачивали большими потерями. Армия отступала с боями и наконец дошла до черты, за которую не переступила ни шаг за два года войны. Фронт с осени 1915 года остановился на линии Пинск – Барановичи – Сморгонь – Двинск (сегодня Даугавпилс). Мой дед в ту войну командовал ротой стрелков. Он попал на фронт и принял первый бой в 1915 году где-то у Бреста. С боями выходил из окружения и вывел почти всю роту. Полк, в котором он служил, в 1918 году передел до численности одной роты, но продолжал сдерживать германские войска на линии перемирия.

...Последовавшие затем революции, Гражданская война, интервенция и политика большевиков, старавшихся вытравить и уничтожить народную память о всем великом, героическом, достойном славы и уважения, что было в нашей истории, привели к тому, что люди забыли о той войне. Забыли своих героев. Забыли места, где они сражались и умирали за нас, наше будущее. Большинство наших сограждан сегодня знают не-

измеримо больше о войне 1812 года против наполеоновских орд, чем о боях у Гродно и Бреста, о кровопролитных сражениях у Нарочи, Сморгони, Вилейки, Барановичей...

Наши деды и прадеды не заслужили такого отношения к себе. Велик был подвиг этих людей, у которых не хватало оружия и боеприпасов, но хватало мужества и верности товариществу, присяге, Родине. Настал момент возвращать долги. Мы должны чтить память тех забытых героев и хотя бы привести в порядок их могилы, а потом и восстановить для памяти грядущим поколениям пусть даже небольшой отрезок той линии обороны, за которую благодаря мужеству наших предков не ступил враг.

Недавно в Минске торжественно перезахоронили останки воинов Первой мировой войны на минском братском военном кладбище 1914-1918 годов. На этом кладбище покоится прах пяти тысяч воинов, отдавших свои жизни за Отечество. Сегодня это практически единственный на территории Восточной Европы интернациональный мемориал, сохраняющий память о героях и жертвах Первой мировой независимо от их национальности и вероисповедания.

Возрождение минского братского военного кладбища проходило при непосредственной поддержке главы белорусского государства. Здесь же установлена часов-

ФОТО ИЗ АРХИВА ГОТЛОСКОЗ

ня в честь иконы Пресвятой Богородицы, перед которой молились воины, уходя на фронт.

При правительстве Беларуси создана Комиссия по имплементации международного права относительно устройства и содержания воинских захоронений, в том числе и Первой мировой войны. В работе комиссии участвуют на постоянной основе представители юстиции министерств образования, внутренних дел, местные органы власти, для того чтобы работа была комплексной. Ведь нужно не только найти, восстановить, привести в порядок воинские могилы, но и создать условия для их сохранения и препятствующие их осквернению.

На сегодняшний день усилиями неравнодушных энтузиастов восстановлены и приведены в порядок захоронения возле деревни Кисели Барановичского района Брестской области, в деревне Забродье Вилейского района Минской области, в Сморгони, где планируют воссоздать линию обороны 1916-1917 годов на основе сохранившихся фортификационных сооружений того времени.

Наша международная общественная организация «Память» начала активную деятельность по поиску и приведению в порядок мест захоронений и увековечению памяти героев той войны. Надеемся, что наши уважаемые сограждане окажут нам в этом посильную по-

мощь. Кто-то выделит время для того, чтобы поработать лично, кто-то перечислит деньги для оплаты работ или для закупки стройматериалов.

Комиссия обещала оказать поддержку нашей деятельности. В Беларуси будет создан благотворительный фонд, средства которого будут расходоваться на это благородное и нужное дело. Нужно прежде всего для нас самих, для памяти и почитания наших предков, для воспитания наших детей, для связи поколений. Мы будем благодарны всем за любую помощь и любое участие. Наш телефон в Минске (017) 502-23-53.

Владимир ЗАЙЦЕВ,
член МОО «Память»